

М. М. Достоевский

Стихотворенія А. Н. Плещеева.

Новое изданіе значительно дополненное. Москва. 1861.

Время. 1861. No 4.

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1861/APRIL/stiple.htm>

Книжка г. Плещеева является въ самое неудобное для стиховъ время. Въ нашей литературѣ въ числѣ многихъ дикихъ выходокъ чуть-чуть что не возникаетъ вопросъ о томъ, что обиліе стиховъ въ литературѣ означаетъ ея упадокъ и мельчаніе. Право, мы не шутимъ. Ничего не можетъ быть серьезнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ нашихъ наиболѣе -- не скажемъ, читаемыхъ или любимыхъ, но вообще изъ наиболѣе толстыхъ журналовъ, выразилъ въ своемъ февральскомъ номерѣ мысль, что обиліе стиховъ въ литературѣ знаменуетъ упадокъ ея. Онъ даже опирается на подобную же мысль, когда-то высказанную Веневитиновымъ. Правда, почтенный журналъ прибавляетъ, что это онъ говоритъ о стихотвореніяхъ безъ поэзіи; но этимъ ограниченіемъ, по нашему мнѣнію, странность этой мысли нисколько не уменьшается. Стиховъ безъ поэзіи всегда и во всякой литературѣ, бываетъ больше чѣмъ съ поэзіей. Да и опредѣлить извѣстную дозу поэзіи въ стихотвореніи дѣло довольно тонкое и щекотливое. Ужъ лучше бы почтенному журналу прямо объявить, что у себя стихотвореній онъ болѣе помѣщать не будетъ. Какъ нарочно въ томъ же номерѣ почтеннаго журнала не было никакихъ стиховъ, даже и стиховъ г. Розенгейма. И точно, стихи вещь мудреная. Они могутъ обличить недостатокъ критическаго такта въ журналѣ. Въ прозѣ что ни помѣсти -- сойdetъ съ рукъ. Не всѣ же сотрудники гении, а журналъ долженъ выходить къ извѣстному числу. Если читать ужъ будетъ не въ мочь тяжело, то пожалуй еще скажутъ, за то учености много, оттого и тяжело, а такой упрекъ всегда лестенъ. Стихи же другое дѣло: вещь кажется и легкая: вся-то соткана изъ чего-то воздушнаго, неуловимаго, изъ звуковъ, изъ риѳмъ, изъ мимолетныхъ впечатлѣній, изъ чувствъ тонкихъ и подъ-часъ неопредѣленныхъ, а главное вещь необязательная, въ томъ смыслѣ, что никто и не требуетъ, чтобъ въ каждой книгѣ журнала были стихи. Безъ прозы обойтись нельзя, безъ стиховъ можно. Но зато всякій требуетъ того, что если помѣщать стихи, то помѣщать хорошіе. Всякій требуетъ, чтобъ въ помѣщенныхъ стихахъ была поэзія, это нѣчто, такое неуловимое, что его никакою ученостью не отыщешь, никакимъ умомъ не узнаешь и не отличишь.

Теперь представимъ себѣ редактора -- не редактора наиболѣе толстаго журнала, а такъ какого-нибудь редактора, совершенно небывалаго, совершенно фантастическаго редактора. Пусть этотъ редакторъ будетъ милъ, любезенъ, уменъ, пусть будетъ онъ украшенъ всевозможными добродѣтелями, пусть будетъ онъ прекраснымъ семьяниномъ и, къ довершенію всѣхъ преимуществъ, пусть будетъ онъ богатъ, чиновенъ, со связями, однимъ словомъ, пусть будетъ онъ перломъ редакторовъ, находкой-редакторомъ, однимъ словомъ фантастическимъ редакторомъ. Но вмѣстѣ со всѣми этими прекрасными качествами и добродѣтелями, пусть будетъ онъ одаренъ или лучше сказать обездаренъ отъ природы отсутствіемъ всякаго пониманія поэзіи. Пусть понимаетъ онъ акціи, учеты, дивиденды, дисконты; пусть жизнь онъ знаетъ какъ Фаустъ, архитектуру какъ бобръ, откупа какъ Кокоревъ, науку какъ Гёте, но поэзію знать, какъ Гёте, пусть ему не будетъ дано отъ природы. Извѣстно, что природа всегда въ чемъ-нибудь да откажетъ. Есть много такихъ людей: все знаютъ, но въ дѣлѣ поэзіи ничего не смыслятъ.

Пусть также этотъ редакторъ печатаетъ стихотворенія въ своемъ журналѣ.

Вотъ цѣлое положеніе или ситуація, какъ говорятъ романисты и драматурги. Конечно такой идеальный редакторъ бросится на имена. Флагъ прикрываетъ товаръ. Громкое имя само за себя отвѣчаетъ, а я тутъ въ сторонѣ, разсуждаетъ редакторъ и разсуждаетъ весьма благоразумно. И вотъ вслѣдствіе такого разсужденія стихотвореніе, подписанное именемъ, онъ печатаетъ; безыменные же или съ неизвѣстными именами лежатъ въ *портфеляхъ* редакціи, какъ выражаются теперь редакторы. Такихъ портфелей съ такими стихотвореніями со дня основанія журнала должно накопиться десятки пудовъ, а не портфелей.

И вотъ является книга его журнала съ стихами, подписанными извѣстными именами, и на другой же день являются къ нему разные сотрудники и почти каждый изъ нихъ говоритъ, ну положимъ хоть слѣдующія фразы: "Ну, Афанасій Афанасьевичъ, какую же вы дрянъ напечатали!" -- Какъ, дрянъ, возражаетъ редакторъ, да вѣдь это написано такимъ-то, посмотрите вотъ и на оберткѣ стоитъ. -- "Все-таки дрянъ, хоть и стоитъ на оберткѣ!.." и ну, доказывать милѣйшему и добродѣтельнѣйшему изъ